

УДК 947.084.5(571)

Рецензия на книгу:

Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.

Монография доктора исторических наук, профессора, первого проректора и заведующего кафедрой отечественной истории Барнаульского государственного педагогического университета Т. К. Щегловой представляет удачную попытку конкретно-исторического исследования алтайской деревни XX в. на основе материалов устной истории. Рецензируемое исследование подводит промежуточный и, надеюсь, не окончательный, итог многолетних (1990–2007 гг.) целенаправленных полевых работ в сельских поселениях Алтайского края, проводимых лабораторией исторического краеведения БГПУ под руководством и непосредственным участием автора. Записанные (созданные по терминологии автора) по специально разработанным программам и вопросам Т. К. Щегловой студентами, магистрантами и аспирантами исторического факультета вуза исторические интервью составляют источниковую базу монографии. Всего в работе использованы данные, полученные от 228 сельских респондентов в 17 (из 60) районов края, расположенных в основных природно-климатических зонах территориально-административного образования, в возрасте от 97 до 50 лет.

В сочинении анализируются два комплекса проблем: относящиеся к различным аспектам устной истории и интерпретация полученных материалов в хронологических рамках 1900–1980-х гг. применительно к таким процессам и явлениям, как развитие сети сельских поселений, крестьянская (индивидуальная) и советская модели хозяйствования, влияние на сельский социум аграрной политики государства в 1920–1980-е гг. Теоретические и методологические вопросы устной истории (*oral history*), с учетом наработок зарубежных и отечественных специа-

листов, рассматриваются во введении и компактно в начале каждой из пяти основных глав. Автор дважды пытается определить основополагающую дефиницию. В одном случае – «устная история – многозначное понятие, включающее процесс формирования исследователем нового источника на основе опроса очевидцев исторических событий и их интерпретации» (с. 11). В другом – следует отсылка на оксфордский словарь английского языка, интерпретирующий устную историю как «записанную на магнитофон историческую информацию, почерпнутую из личных знаний говорящего» (с. 165).

Определенные сомнения вызывает утверждение (с. 2, 11, 74) о том, что полученная в результате интервьюирования аудиовидеозапись «опроса очевидцев исторических событий» целенаправленно «создается» или «формируется» исследователем в качестве специфического источника. В принципе любой исторический источник создается и формируется человеком в процессе повседневной жизни, зачастую без осознания данного обстоятельства. «Конечно, – замечает видный специалист в области устной истории доктор исторических наук, профессор В. А. Зверев, – в письменном формате трудно, а иногда просто невозможно передать нюансы эмоционального состояния информанта во время беседы или интервью, детали мимического и жестового “сопровождения” передающейся вербальным путем информации» [Зверев, 2008. С. 7].

Тем не менее любая записанная на магнитофон и видеокамеру речь, в частности ответы на вопросы, воспроизводится в «бумажной» форме. Они не создаются исследователем (хотя он целенаправленно может влиять на опрашиваемого через наводящие и уточняющие вопросы), а собираются и

обрабатываются (вводятся в научный оборот), так же как это делают фольклористы или этнографы. Татьяна Кирилловна утверждает, что в отличие от них «деятельность же устного историка состоит в организации процесса изъятия событийной или эмпирической информации, которая не существует в готовом виде, а хранится в памяти каждого человека, жившего в то или иное время» (с. 74). Ну чем же тогда эта информация отличается от полученной из текстов мемуаров, дневников написанных по собственной инициативе?

При всей своей специфичности я бы не стал квалифицировать устную историю как самостоятельную научную дисциплину (с. 10, 16) или как новое синтезированное направление в исторических исследованиях типа истории повседневности (с. 6). Более правильно уже непосредственно в тексте материалы устной истории рассматриваются как своеобразный источник, «взгляд изнутри» (с. 208, 210), который относится к источникам личного происхождения (с. 17, 513), раскрывающий прежде всего образ жизни основной массы населения во всех его проявлениях.

Действительно «одной из причин позднего признания устной истории в России является традиция параллельного существования официальной (официально-государственной) академической исторической науки и “устной народной истории” в тоталитарном государстве» (с. 17). Но данное обстоятельство нельзя переоценивать. Еще в конце XIX в. в рамках статистических обследований тех же алтайских деревень путем опроса жителей собирались сведения не только о их хозяйственной деятельности, платежах и повинностях, но и по истории поселений (см.: [Алтайский сборник, 1899]). В разгар «застоя» в конце 1970-х гг. С. Алексеевич начал работу над проектом «Голоса утопии», наиболее значимой составляющей которого стала книга «У войны не женское лицо».

К сожалению, в рецензируемой монографии не раскрывается исследовательская «кухня» организации и непосредственной работы с информаторами. Лапидарно сообщается, что «разрабатывались и использовались вопросники, с которыми можно работать в любом населенном пункте Алтайского края» (с. 7) в проблемно-хронологическом ключе или с учетом региональной специфики. Отсутствует информация о подготовке

обследований (принципы отбора отдельных районов и поселений, разработка вопросников), выявление респондентов, подготовка их к интервьюированию, проверка достоверности собранных сведений и т. д. Можно пожелать автору подготовить по указанным вопросам отдельную работу.

В целом же теоретико-методологическая часть исследования подводит добротную базу под ее эмпирическую составляющую. Т. К. Щеглова четко подразделяет устные источники на свидетельства очевидцев и устную традицию, отразившую коллективный исторический опыт. Она предлагает «учитывать гендерный фактор и грамотно использовать достоинства как женских, так и мужских устных историй» (с. 320).

Собранный материал использован для написания пяти глав, выстроенных по проблемно-хронологическому принципу (первое двадцатилетие XX в., 1920-е, 1930-е, 1940-е, 1950–1970-е гг.). Сквозной нитью через все выделенные периоды проходит проблема развития сельской поселенческой сети. Кроме того, применительно к каждому из периодов отнесены наиболее значимые события, повлиявшие на деревню: социальный катаклизм 1917–1919 гг.; крестьянское общество при «единоличной жизни» 1920-х гг.; коллективизация и ее компоненты: раскулачивание, закрытие православных храмов в 1930-е гг.; колхозная повседневность, депортации и война 1941–1945 гг.; реорганизации в аграрной сфере в 1950–1970-е гг. (укрупнение колхозов, насаждение совхозов и т. д.).

В рамках перечисленных направлений Т. К. Щеглова выделяет и расписывает на конкретные сюжеты два блока, внутри которых могут одновременно осуществляться устно-исторические исследования (с. 24–26). С предложенной схемой можно согласиться, но возникают определенные сомнения, поскольку она ориентирует на рассмотрение сложных и противоречивых процессов, происходивших в алтайской деревне в XX в., через концепцию советского тоталитаризма, приведшего только к негативным результатам. Ничего не говорится о развитии образования, культуры, медицины, демографической ситуации (смертность, рождаемость, продолжительность жизни). Положение сельских специалистов начинает отслеживаться и фиксироваться в информации респондентов только с послевоенного периода

(с. 459). О том, что не все в алтайской деревне в избранных хронологических рамках было так безотраднo, свидетельствуют данные о возрасте опрошенных. Самую старшую группу от 92 до 98 лет составили 5 женщин и 1 мужчина, группу от 80 до 90 лет – 34 женщины и 21 мужчина, а ведь до 1917 г. средняя продолжительность жизни женщин была ниже, чем у мужчин.

По разному выстраиваются главы и разделы в них с точки зрения использования собранных устно-исторических материалов. Если в первой главе они воспроизводятся с последующим комментарием, раскрывая специфику переселенческого движения в начале XX в., позицию сельского населения по отношению к белым и красным, то последний раздел пятой главы («Крестьянская традиционная и советская административная модель переселенческой инфраструктуры в толковании крестьян») представляет аналитический текст, в котором устным источникам отведена иллюстративная роль. В целом же в рецензируемой монографии воспроизводится и соответствующим образом интерпретируется уникальный и колоссальный по объему фактический материал, существенно расширяющий, уточняющий и раскрывающий составляющие образа жизни крестьянского социума Алтая и воздействия на него разнообразных факторов: природно-климатических, политических, социально-экономических, демографических, техногенных и т. д.

Вместе с тем материалы монографии наглядно демонстрируют специфичность и ограниченность используемого в ней источника. Они дают яркие зарисовки, транслируют элементы «устной традиции», позволяют взглянуть на прошлое «изнутри», реконструируют повседневную жизнь крестьян в плане «панорамного видения истории» (с. 435). Но реконструировать эту панораму можно привлекая всю совокупность разнообразных источников. Ограниченность устно-исторических материалов обуславливается прежде всего социальным статусом и возрастом респондентов. В основном это рядовые колхозники и колхозницы, к тому же в очень преклонном возрасте. Список респондентов (с. 517–523) включает 228 чел., на 215 имеются данные о возрасте, 77 % из них (166 чел.) на момент опроса находились в возрасте от 70 до 97 лет, примерно 70 % являлись женщинами. К тому же память изби-

рательна. Поэтому респонденты запомнили события, непосредственно относящиеся к себе, своей семье (коллективизация, раскулачивание, переселение из «неперспективной» деревни). Но вот раздел, посвященный разрушению православных храмов, «размыт», в нем мало конкретно-исторического материала, не фиксируется отношение к духовенству, не приводятся свидетельства о репрессиях по отношению к нему. Возможно, данное обстоятельство связано с безразлично-враждебным отношением сибирских крестьян к клиру, которое проявилось еще до революции. Поэтому закрытие церквей на фоне других событий 1920–1930-х гг. не отложилось в памяти современников, прежде всего молодежи.

Мне показалось, что автор, анализируя отношение рядовых сельчан к местному руководству, прежде всего к председателям колхозов и директорам совхозов, занял сторону рядовых «винтиков», осуждающих сельскую элиту за все и вся. Ругать есть за что. Но нельзя с мутной пеной выбрасывать на свалку истории редкие самородки. Я не знаю ситуации в Алтайском крае, но вот на моей малой родине, в Промышленновском (бывшем Титовском) районе Кемеровской области, избранный в 1948 г. 23-м председателем колхоза «Комсомольская искра» с момента его организации (1931 г.) учитель-фронтовик В. Д. Баклыков начал подъем хозяйства с организации кустарного производства растительного масла из сурепки. Шестнадцать центнеров семян сорняка собрали колхозники на бросовых полях и на вырученные от продажи масла деньги купили 34 теленка [Павловский, 1978. С. 56–59]. Не редкостью в сибирских колхозах была ситуация, описанная в романе Ф. А. Абрамова «Пути-перепутья» и связанная с укрытием от учета посевных площадей и скота. Безусловно, такие председатели были и в Алтайском крае.

Материалы рецензируемой монографии наглядно демонстрируют необходимость тщательной критики устных источников и квалифицированного комментирования их. Проиллюстрирую утверждение только одним примером. На с. 64 воспроизводится фрагмент из воспоминания Е. И. Дмух о периоде гражданской войны: «В переворот у нас тут много банд, Анненков, черные чеки». В комментарии надо было бы указать, что речь идет о карателях Б. В. Анненкова,

подавлявших в сентябре 1918 г. Славгородское восстание. Сложнее ситуация с «черными чехами». Общеизвестно, что легионеры Чехословацкого корпуса принимали активное участие в свержении советской власти в Сибири и карательных акциях. Данное обстоятельство нашло отражение в фольклоре, одна из песен, популярная в Сибири в 1920–1950-х гг., начиналась словами: «Отец мой был природный пахарь / А я его природный сын / Отца убили злые чехи / Теперь остался я один». Но в данном случае речь, по всей видимости, идет о военнослужащих 5-й дивизии польских стрелков, в отличие от чехов носивших обмундирование темного цвета, а самое главное – неоднократно участвовавших в карательных акциях против партизан по линии Алтайской и Кулундинской (Татарская – Славгород) железных дорог (см.: [Шользе-Сроковский, 2000]).

Мои замечания и сентенции не меняют общей высокой оценки исследования Т. К. Щегловой и связаны прежде всего с актуальностью и малоработанностью изучаемой ею проблемы. Содержание монографии свидетельствует о равнодушном отношении автора к многострадальной истории крестьянства, его заинтересованности в возрождении этой основы российского генофонда.

В заключение следует отметить высокое полиграфическое качество рецензируемого издания, наличие богатого иллюстративного и картографического материала, имеющего самостоятельное научное значение. Монография вносит существенный вклад в изучение российского крестьянства как в общероссийском, так и региональном контексте.

Она дает богатую пищу для размышлений о перспективах устной истории и возможностях использования наработанного Т. К. Щегловой инструментария в смежных областях исторических исследований.

Список литературы

Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4, вып. 2.

Зверев В. А. Что знается, то и скажется. Коллекция историко-биографических материалов на кафедре отечественной истории // Родные голоса. Сибирь, XX век: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. Вып. 1.

Павловский О. П. Отцовское поле. Повесть о Шуринке. Кемерово, 1978.

Шользе-Сроковский В. Пятая дивизия польских стрелков в Сибири / Пер. с польск. // Поляки в Бурятии. Улан-Удэ, 2000. Вып. 3. С. 129–132.

М. В. Шиловский

д-р ист. наук,
проф. кафедры отечественной истории
Новосибирского государственного
университета
E-mail: kapital@history.nsc.ru

Материал поступил в редколлегию 15.09.2008